

СООБЩЕНИЯ

О вольнонаёмном труде на Урале во второй четверти XIX века

Ф. С. Горовой

Анализируя развитие капиталистических отношений на Урале накануне реформы 1861 г., необходимо уделить особое внимание росту вольнонаёмного труда.

«В вопросе о развитии капитализма,— писал Ленин,— едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наёмного труда. Капитализм, это — та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром»¹. Развивая далее эту мысль Ленина, товарищ Сталин учит: «Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишённые средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства»².

К сожалению, наша историческая наука не изучает вопроса о росте вольнонаёмного труда на Урале в эпоху крепостничества.

За исключением указания Б. Б. Кафенгауза³ на наличие элементов вольнонаёмного труда в демидовской вотчине в XVIII в., мы не найдём в работах наших историков попытки решить этот вопрос. Данные А. Г. Рашина о наличии в 1860 г. 30% вольнонаёмных рабочих в горнозаводской промышленности всей России⁴ вызывают сомнения в их точности и не могут удовлетворить исследователей истории Урала. Объясняется это до некоторой степени неправильным пониманием сущности экономического развития Урала в XIX веке.

Вследствие неизученности вопроса многие советские историки молчаливо отождествляют горнозаводскую промышленность с промышленностью Урала вообще и отрицают в последней наличие вольнонаёмного труда. «Господство принудительного труда,— пишет один из исследователей истории уральской горнозаводской промышленности, С. П. Сигов,— здесь остаётся непо-

колебимым до его общей отмены в 1861 г.»⁵. В работе, посвящённой реформе 1861 г. на Урале, Э. А. Лившиц категорически утверждает, что уральская горнозаводская промышленность до 1861 г. базировалась «исключительно на крепостном труде»⁶. Такой же позиции придерживается П. И. Лященко, доказывая, что дореформенная металлургия Урала «вела исключительно барщинным крепостным трудом»⁷, и авторы учебника по «Истории СССР» для высших учебных заведений⁸. Можно было бы привести ещё ряд примеров, но достаточно и этих, чтобы установить, какое мнение господствует в советской исторической литературе по данному вопросу.

Рассматривая историю Урала в XIX в., исследователи обычно приводят известное высказывание Ленина о том, что «то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма»⁹. При этом они делают ошибку, не вскрывая явлений, подтачивавших крепостнические отношения в горнозаводской промышленности Урала первой половины XIX века. Свою задачу мы видим в том, чтобы на основе фактических данных, относящихся к Пермской губернии, попытаться дать анализ развития вольнонаёмного труда в предреформенной экономике Урала и в частности, специфическое применение его в местной горнозаводской промышленности.

Среди других факторов, свидетельствовавших о неизбежности падения крепостного права в России, одно из первых мест занимает рост вольнонаёмного труда, кото-

⁵ С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск. 1936, стр. 45.

⁶ Э. А. Лившиц. «Реформа» 1861 г. и горнозаводские крестьяне Урала. «Исторические записки». 1949. № 30, стр. 140.

⁷ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. 1952. Т. I, стр. 533.

⁸ «История СССР». Т. II. 1949, стр. 17.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 424.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 509.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. 1952, стр. 15.

³ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.-Л. 1949. Т. I, стр. 347—348.

⁴ А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата. М. 1940, стр. 92.

рый увеличился по всем предприятиям России (без заводов горных, винокуренных, пивоваренных и мельниц) с 54% в 1825 г. до 87% в 1860 году¹⁰. Это положение при учёте некоторых специфических черт действительно и для промышленности Урала в целом, включая горнозаводскую промышленность (горные заводы, золотые прииски и соляные промыслы).

В Пермской губернии в 1859 г., как видно из отчёта губернатора, кроме 115 горных заводов (18 казённых, 63 посессионных, 34 вотчинных) с ежегодной продукцией на 14,3 млн руб., имелось ещё 1 126 предприятий негорнозаводской промышленности, дававших годовую продукцию на 9,9 млн. рублей. Самыми значительными предприятиями из негорнозаводской промышленности, по мнению губернатора, были «кожевенные в г. Кунгуре, салотопенные в г. Екатеринбург, Шадринске и Кунгуре, винокуренные в уездах Камышловском и Осинском»¹¹.

Не может быть сомнения, что вольнонаёмный труд применялся в горнозаводской промышленности Урала до падения крепостного права. Спор может идти только о месте, которое он занимал в основном или вспомогательном процессе производства, а также об удельном весе его по отношению к общему количеству применявшейся рабочей силы.

Из донесения управляющего Билимбаевским заводом Строгановой главному начальнику горных заводов Урала видно, что на этом заводе накануне падения крепостного права очень широко применялся вольнонаёмный труд. Заводоуправление допускало рабочих «к исправлению значительного количества заводских работ по договорам за вольные цены»¹². Таких рабочих в последние перед реформой годы было от 300 до 500, или, как подсчитал управляющий, «почти третья часть всей рабочей силы»¹³. Вольнонаёмные рабочие «заготавливали большую часть угля, всю рудничную крест и дрова для обжигания руды; половиня коломенок была построена такими же рабочими по договорам, а кузнцы изготовили большую часть поковок»¹⁴. Кроме того управление Билимбаевским заводом «допускало к разработке подрядных рудников ежегодно от 140 до 170 человек, принимая руду от них по вольным платам и предварительно давая в счет оной достаточную сумму денег на производство работ по добыче и на самую перевозку»¹⁵. Потребность в замене непроизводительного крепостного труда вольнонаёмным перед реформой была в горнозаводских вотчинах весьма велика. Как признавал главный

управляющий Нижнетагильскими заводами В. К. Решет, «на Урале начинает сильно ощущаться недостаток в вольнорабочих для исполнения заводских работ»¹⁶. По данным Решета, только в одном 1854 г. на тагильских заводах «приготовлялось угля вольнорабочими людьми... 114 000 коробов»¹⁷. Напомним, что на всех заводах нижнетагильской группы для угленоставщиков существовал урок — готовить в год от 50 (из берёзового леса) до 65 (из соснового и елового леса) коробов угля¹⁸. Если общее количество приготовленного в 1854 г. угля (114 тыс. коробов) разделить даже на высший годовой урок угленоставщика (65 коробов), то и тогда получается, что над приготовлением такого количества угля на протяжении года работало не менее 1 750 вольнонаёмных рабочих.

Кроме того, как писал Решет, «в тех же заводах для работы на золотых и платиновых промыслах являлось ежедневно вольных работников» в 1854 г. 730 человек¹⁹. Суммируя эти данные, устанавливаем, что на нижнетагильских заводах в 1854 г. работало около 2 500 вольнонаёмных рабочих. Данную цифру нужно считать заниженной, ибо она не учитывает значительного количества вольнонаёмных рабочих, занятых на других вспомогательных работах, в частности на перевозке различного рода грузов, которых на нижнетагильских заводах было перевезено, например, в 1859 г. более 23 млн. пудов²⁰.

Из сообщения того же Решета видно, что перед реформой на девяти нижнетагильских заводах из 25 581 души крепостного горнозаводского населения «годных работников» было лишь 11 000 человек²¹. Таким образом, число вольнонаёмных рабочих к общему количеству годных работников на всех заводах составляло более 20%.

Мы отдаём себе отчёт в относительности и неточности наших подсчётов. Но наше основное положение о проникновении вольнонаёмного труда в горнозаводскую промышленность Урала перед падением крепостного права не вызывает сомнений. Такое же положение существовало и на некоторых других заводах. «Рубка и перевозка дров у нас,— писал управляющий алапаевскими заводами последников Яковлевых,— исключительно производится вольными людьми»²². На тех же заводах «вольными людьми» совершалась «перевозка руды и металлов»²³.

¹⁶ В. К. Решет. Уральская железная дорога. «Пермские губернские ведомости». № 47, 24 ноября 1861 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Н.-Тагильский филиал СОГА, ф. 10, оп. 4, л. 1518, л. 312 об.

¹⁹ В. К. Решет. Указ. соч.

²⁰ Там же.

²¹ СОГА, ф. 43, оп. 1, л. 402, л. 59.

²² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Демидовых Сан-Донато. Документы и письма главноуполномоченного нижнетагильских заводов Решета. 1860 г., л. 5453, л. 7.

²³ Там же, л. 8.

¹⁰ П. И. Лященко. Указ. соч., стр. 531.

¹¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦИИАЛ), ф. 1284, оп. 6 (697), 1859 г., л. 56, л. 9 об.

¹² Свердловский областной государственный архив (СОГА), ф. 43, оп. 1, л. 402, л. 30 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Из письма управляющего Верх-Исетскими заводами Сигова (1860 г.) видно, что на этих заводах «перевозки товаров на пристани, руд и проч. производятся все по вольнонаёмным платам»²⁴.

За последние двадцать лет перед реформой всё чаще и в больших размерах применялся вольнонаёмный труд в горнозаводской вотчине Бутеро-Родали. Дело закончилось в 1859 г. окончательным «переходом от обязательного труда к вольному»²⁵ на всех тех работах при заводах, которые исполнялись крепостными крестьянами в порядке отбывания натуральных повинностей. В марте 1859 г. управляющий пермским имением Бутеро-Родали получил указание от владельцев, чтобы «ожжение угля и добычу железных руд для горных заводов производить с будущей осени через наем с тем, чтобы к исполнению этой операции одновременно приняты были деятельные меры через вызов желающих, не устрояя и собственных людей имения, и через заключение договоров с подрядчиками»²⁶.

Таким образом, 13 592 подзаводских крестьянина Бутеро-Родали, отбывавшие две трети своих повинностей работой на Лысьвенском, Павловском, Бисерском, Юго-Камском, Добрянском заводах, Крестовозвиженских золотых и Усольских соляных промыслах, были полностью переведены на денежный оброк, а их труд заменён вольнонаёмным трудом²⁷.

Особенно активно внедрялся вольнонаёмный труд на золотых приисках. Некоторые золотые прииски Урала перед падением крепостного права полностью перешли на вольнонаёмный труд.

Вот что, например, сообщает Х. Мозель о составе рабочей силы в 1860 г. на Невьянском заводе и имевшихся при нём золотых приисках: «Рабочих при Невьянском заводе состоит 5 961, из коих в работу употребляется 1 072 человека и на золотых приисках вольных людей 1 154 человека»²⁸.

Уточняя свою мысль о вольнонаёмном труде на Сухологовском, Нейвинском, Вязайском, Коневском, Аясском, Зябловском, Бильговском и Тавсильгском золотых приисках, Мозель писал: «Добыча производится вольнонаёмными людьми, с оплатой от 10 до 45 коп. в день и вольными старателями, с оплатой им за каждый золотник по 1 руб. 78 коп. серебром»²⁹. Эти сведения Мозеля, полученные им непосредственно от заводоуправления, указывают на то, что, за исключением, на золотых приисках наследников П. Яковлева почти все работы велись

вольнонаёмным трудом; во-вторых, вольнонаёмные рабочие золотых приисков при Невьянском заводе составляли более 50% всех рабочих. То же наблюдалось и на золотых приисках Н. В. Всеволожского, где, как сообщала местная печать, «приходящих на заработки вольнонаёмных рабочих... бывает в году от 80 до 300 человек»³⁰.

Вольнонаёмный труд проникал даже на военно-крепостнические казённые заводы Урала. К сожалению, об этом мы знаем очень мало. Тот же Мозель указывает, что в Гороблагодатском округе казённых заводов «чугун и чугунные припасы перевозятся с заводов чугуноплавильных на железоделательные, частью крестьянами, которые приезжают сюда собственно для этой работы, частью же казёнными мастерами, за вольную плату»³¹. Песок для формовки снарядов перевозили на этих же заводах также «частью за вольную плату»³². На Камском чугуноплавильном казённом заводе «вольные работы» применялись при перевозке «припасов для завода, как то: железа, стали, канату и проч.»³³.

Очень широко применялся вольнонаёмный труд при отправке продукции горных заводов и соляных промыслов к месту её сбыта или потребления. Речь идёт о железных и соляных караванах, с помощью которых продукция горнозаводской промышленности Урала попадала и на крупнейшие рынки России и за границу.

Повиности горнозаводского населения Урала по сопровождению железных и соляных караванов были особенно тяжелы. Сопровождение караванов совпадало с периодом весенних полевых работ. Поэтому, уходя с караванами, крестьяне знали, что они не только будут переживать двух-трехмесячный период изнурительного труда, лишений и скитаний, но, главное, не сумеют обработать свои поля, и их семьи должны будут голодать.

Упорное сопротивление подзаводских крестьян этому виду повинностей, а также явная невыгодность крепостного труда заставляли уральских горнозаводчиков-помещиков заменять натуральные караванные посылки денежным obroком, за счёт которого нанимались вольнонаёмные работники. Это явление охватило все горнозаводские вотчины Урала. Оно не обошло и таких консервативных уральских заводчиков, как Строгановы, которые в последние годы перед реформой особенно усиленно заменяли натуральную повинность денежным obroком. Так, в Иньвенском округе Строгановского майората ещё в 1858 г. из общей стоимости посылочных работ в 28 501 руб. натурой отработывалось 19 074 руб. и уплачивалось деньгами 9 427 руб., а уже в 1860 г. из общей суммы 31 351 руб. натурой отрабаты-

²⁴ Там же, л. 12.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—60 гг., т. 952, л. 2 об.

²⁶ Там же, л. 5.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—60 гг., т. 952, л. 6; Приложение к трудам редакционных комиссий. Т. III. СПб. 1860, тр. 2—17.

²⁸ Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. Ч. II. СПб. 1864, стр. 218.

²⁹ Там же.

³⁰ «Пермские губернские ведомости» № 41, 13 октября 1861 года.

³¹ Х. Мозель. Указ. соч. Ч. II, стр. 171—172.

³² Там же, стр. 172.

³³ Там же, стр. 194.

валось 12 803 руб. и уплачивалось деньгами 18 575 рублей³⁴.

Следовательно, если в первом случае денежная форма посылочной повинности составляла треть общей суммы, то во втором она увеличилась до двух третей. Учитывая, что к 1860 г. потребность в рабочих для сопровождения караванов увеличилась и денежная форма посылочного зачёта использовалась главным образом для найма вольнонаёмных рабочих, эти цифры выражают в известной степени и соотношение между принудительным, крепостным и вольнонаёмным трудом на караванных посылках.

В приведённые сведения необходимо внести поправку в пользу вольнонаёмного труда: среди отбывавших караванные посылки натурой было большое количество крестьянской бедноты, отработавшей эти обязанности по вольному найму за зажиточную крестьянскую верхушку. По признанию одного из членов правления Строгановского майората, в имени в 40-х годах XIX в. существовал такой порядок, при котором крестьянская беднота могла уходить «на караваны по найму за состоятельных крестьян»³⁵. В частности, в селениях Ильинского округа в 1849 г., как правило, нанималось на караван «бедных крестьян за состоятельных от 35 до 60 человек»³⁶. Впрочем, то же происходило и среди подзаводских крестьян, отбывавших повинности на горных заводах. В справке строгановского главного правления о заготовке угля для заводов (1851 г.) читаем: «Через вольный наем одними работниками других ежегодно поставлялось угля в три последние годы в сложности в каждый до 3 тыс. корбов. В то число нанимались усть-гаревчане до 2 500 чел., а остальное количество добрянцы. Большая часть наемителей сдавала все свои оклады, другие же сдавали половину и четверть окладов»³⁷.

Это был, по существу, вольнонаёмный труд, прикрытый формами обязательности.

Большое число, свыше двух третей общего количества работников, сопровождавших железные и соляные караваны, составляли вольнонаёмные на сергинских и уфалейских заводах Губина. По сообщению местной печати, на этих заводах в 1854 г. «вольнонаёмных работников употреблялось только для сплава караванов... от 700 до 900 человек»³⁸. Кыштымские заводы в 1843 г. израсходовали «на наем людей судорабочих для каравана... 24 439 руб. 41¼ коп.»³⁹, таким образом они наняли всех нужных им судорабочих.

³⁴ Молотовский областной государственный архив (МОГА), ф. 54, д. 56, л. 330; ф. 13, д. 671, лл. 127, 130—135.

³⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. I, д. 1472, л. 8.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 10, ч. II, д. 2039, л. 3 об.

³⁸ «Пермские губернские ведомости» № 28, 29 июля 1861 года.

³⁹ Челябинский областной государственный архив (ЧОГА), ф. 172, оп. I, д. 111, л. 66.

Почти полностью перевёл свои караваны на труд вольнонаемных крестьян крупнейший уральский горнозаводчик Х. Е. Лазарев. В 1860 г., например, Чермоозское управление Лазарева наняло для сопровождения железных и соляных караванов 600 вольнонаёмных работников. Это были крестьяне ряда ведомств Ильинского, округа, Строгановского майората, которые «по увольнению от своих начальств, порядились в навигацию 1860 года поступить в работу на караваны»⁴⁰.

Следует заметить, что с каждым годом увеличивалось общее число людей, сопровождавших железные и соляные караваны по сухоходным рекам Урала. Так, за период с 1843 по 1857 г. количество судорабочих в Пермской губернии увеличилось с 17 594 до 31 386 человек⁴¹. В преобладающем большинстве это были вольнонаёмные крестьяне не только Пермской, но и Вятской губернии. О рабочей силе на караванах заводладельца Губина, например, местная печать сообщала, что там «обыкновенно все вольнонаемные бывают из Вятской губернии»⁴².

В числе судорабочих Пермской губернии были и работавшие на судах Камского пароходства, вывозивших изделия горнозаводской промышленности на Нижегородскую ярмарку. Однако из общего количества 43 пароходов Камского пароходства в 1861 г. только три парохода принадлежали владельцам-крепостникам, и, следовательно, на них мог быть применён крепостной труд. Это были буксирные пароходы, принадлежавшие Всеволожскому, Турчанинову и нижнетагильским заводам Демидова. Остальные 40 пароходов принадлежали или пароходным компаниям (Камско-Волжская, «Кавказ и Меркурий», «Самолёт», «Польза») или отдельным купцам (Каменский, Сажин, Любимов и др.), где крепостной труд не применялся⁴³.

О том, как создавались кадры вольнонаёмных судорабочих на сухоходных и сплавных реках Пермской губернии в 50-х годах XIX в., один из современников писал: «Крестьяне, имеющие мало пахотной земли, с весны отправляются в судовые работы и возвращаются домой уже по осени. Заработок их простирается на человека от 20 до 35 руб. серебром наличными деньгами. Судорабочие известны под именем бурлаков. Большая часть крестьян поступает на владельческие соляные и железные караваны, доставляемые в Нижний Новгород. Для найма на купческие суда рабочие ходят в г. Пермь. Иногда купческие приказчики приезжают и сюда. С открытием пароходства много рабочих стало поступать на пароходы. Оптовая плата вселетнему работ-

⁴⁰ МОГА, ф. 298, св. 349, л. 22, л. 21.

⁴¹ Х. Мозель. Указ соч. Ч. I, стр. 217.

⁴² «Пермские губернские ведомости» № 28, 29 июля 1861 года.

⁴³ А. Дмитриев. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь. 1889, стр. 243—256; В. Верхованцев. Город Пермь в прошлом и настоящем. Пермь. 1913, стр. 139.

нику с 15 апреля до заморозку на хозяйском харче от 25 до 40 рублей серебром»⁴⁴.

Особенно широко на Урале применялся вольнонаёмный труд во второй четверти XIX в. в негорнозаводской промышленности, принадлежавшей в основном купечеству. В силу специфики исторического развития Урала и положения местных купцов крепостной труд не применялся или почти не применялся на кожевенных, салотопенных, мыловаренных, свечесальных и других аналогичного характера предприятиях Кунгура, Перми, Екатеринбурга, Шадринска и других городов Урала. Рабочая сила на купеческих предприятиях в основном состояла из вольнонаёмных государственных крестьян приуральских губерний. Существовавшее здесь положение можно расценить как постепенное развитие капиталистических фабрик из купеческих заведений.

Вольнонаёмный труд находил применение и на единичных металлообрабатывающих предприятиях, не принадлежавших горнозаводчикам-крепостникам. В Екатеринбурге, Перми и Кунгуре было три механических завода, строившие главным образом пароходы и паровые машины для них. На первом из них работало 126 рабочих, на втором — 150—200 и на третьем — 229. Все эти рабочие были «из вольнонаёмных людей»⁴⁵.

Даже те предприятия негорнозаводской промышленности, которые находились в помещичьих имениях и владельцами которых были помещики-крепостники, в основном работали также на вольнонаёмном труде. На Михайловском винокуренном заводе помещицы Сведомской, расположенном в Осинском уезде, Пермской губернии, в 50-х годах XIX в. рабочими были «частью крепостные, а большею частью вольные, нанимаемые в Вятской и Оренбургской губерниях, от 140 до 150 человек в винокуренном»⁴⁶. На Николаевском винокуренном заводе помещика Дятлева, того же уезда, рабочие также были «большею частью вольнонаёмные от 30 до 40 человек»⁴⁷.

Таковы факты, говорящие о наличии вольнонаёмного труда на Урале во второй четверти XIX века.

Посмотрим, откуда же брались те кадры, которые пополняли ряды вольнонаёмных рабочих на Урале. Изучение вопроса показывает, что три источника рождали вольнонаёмный труд на Урале во второй четверти XIX в.: во-первых, горнозаводское население казённых и частных (вотчинных и помещичьих) заводов; во-вторых, государственные и удельные крестьяне и, в-третьих, вотчинные крестьяне. Рассмотрим отдельно каждый из этих источников.

Чувствуя невыгодность крепостного труда и имея избыток рабочей силы, привя-

занной к заводам в силу крепостнических отношений, владельцы ряда частных горных заводов Урала увольняли со своих заводов рабочих обычно на год или два за уплату определённой суммы оброка. При этом на оброк увольнялись не только рабочие, исполнявшие вспомогательные работы при заводах, но и основной контингент — мастеровые, что говорило о глубине проникновения вольнонаёмного труда в горнозаводскую промышленность Урала. Об этом прогрессировавшем увольнении рабочих в 50-х годах XIX в. управляющий Билимбаевским заводом писал: «Заводоуправление увольняло многих мастеровых по желанию их в повольные годовые работы за оброк, уменьшенный против прежнего 30-рублевого: на четверть, треть и половину, а некоторых и совершенно даром, или со взъясанием с них на одни только подати и повинности по 4—6 рублей в год»⁴⁸.

Уволенные на оброк рабочие занимались ремеслом, нанимались на работу в другие горные заводы, предприятия негорнозаводской промышленности и нередко на те же заводы, откуда увольнялись, выступая уже в качестве вольнонаёмных, давая более высокую производительность труда.

Несколько другой характер это увольнение носило на казённых горных заводах. В Пермском округе казённых горных заводов существовал, например, следующий порядок, дававший возможность крепостным рабочим заниматься вольнонаёмным трудом.

«По излишеству рабочих рук в том округе сравнительно с размером производства,— сообщает один из исследователей истории Урала, Е. И. Красноперов,— желающие могли поступать в окладчики, т. е. вместо личной работы обязывались поставлять известное количество каких-либо заводских материалов за умеренную, назначенную от казны плату, затем могли свободно располагать своим временем и искать вольных заработков»⁴⁹.

Так выглядел первый источник вольнонаёмного труда.

Возможность для части горнозаводского населения казённых заводов заниматься вольными заработками, ремеслом и торговлей приводила даже к своеобразному раслоению среди него. О горнозаводском населении Богословского казённого округа перед реформой Х. Мозель писал: «Между ними есть люди домовитые, с хорошим состоянием, разбогатевшие от вольных работ, торговли и разных промыслов, но есть и такие, которые не знают, куда приклонить голову и которые не имеют ничего, кроме необходимой одежды»⁵⁰.

Вторым, причём наиболее важным, источником пополнения вольнонаёмной рабочей силы на Урале была государственная и

⁴⁴ «Пермские губернские ведомости» № 11, 17 марта 1861 года. Пароходство на Каме открыто в 1846 г., фактически же оно начало действовать с 1848 года.

⁴⁵ Х. Мозель. Указ. соч. Ч. II, стр. 355—356.

⁴⁶ «Пермские губернские ведомости» № 42, 20 октября 1861 года.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ СОГА, ф. 43, оп. I, д. 402, л. 30.

⁴⁹ Е. И. Красноперов. Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в гор. Екатеринбурге в 1887 году. Вып. III. Пермь. 1889, стр. 72.

⁵⁰ Х. Мозель. Указ. соч. Ч. II, стр. 168.

удельная деревня, ежегодно выделявшая в первой половине XIX в. значительное количество людей, отправлявшихся на вольные заработки.

По Пермской губернии о процессе отхода государственных крестьян на вольнонаёмные работы можно судить по следующим данным: в 1801 г. из государственных деревень ушло на заработки 14 528 человек. По отчёту же пермской палаты государственных имуществ за 1844 г. в этом году крестьянам было выдано уже 49 216 паспортов для приискания вольных заработков⁵¹. Следовательно, ежегодный уход на вольные заработки из государственной деревни Пермской губернии за 40 с лишним лет увеличился в три с половиной раза. То же можно сказать и о соседних с Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях, откуда крестьяне для заработка денег на уплату налогов отправлялись в Пермскую губернию.

Из сообщения управляющего алапаевскими заводами видно, что на эти заводы «вольные возчики приезжают для работ из расстояний от 50 до 400 верст и продовольствуют своих лошадей не собственным, а покупным фуражем, нанимая при том и для себя еще квартиры»⁵². На золотых приисках Демидова в период с 1848 по 1855 г. работали государственные крестьяне Верхотурского, Чердынского, Ирбитского и Екатеринбургского уездов Пермской губернии, а также «государственные и удельные крестьяне Вятской губернии, Яранского, Нолинского, Орловского и Уржумского уездов, разных волостей и приказов»⁵³.

Для найма необходимого количества рабочих из числа государственных крестьян и особенно для обеспечения рабочей силой сплава караванов заводоуправления посылали в окружающие деревни специальных уполномоченных-вербовщиков. Инструкцию такому уполномоченному представляет письмо главноуправляющего нижнетагильскими заводами (1851 г.); оно даёт также представление о тех обязанностях, которые исполняли наймавшиеся в караваны работы государственные крестьяне. «По предстоящей надобности в рабочих людях для сплава с заводской пристани до Перми металлов заводоуправление, командировав вас в Кунгурский уезд, предписывает нанять в тамошних селениях до 400 человек рабочих... Поряженные вами рабочие должны иметь уважительные виды от местных начальств. Обязанности их должны состоять в следующем: явиться на пристань до вскрытия речки Чусовой и, поступив в распоряжение заведующего караваном, все они исполняют беспрекословно работы, какие только необходимы по снаряжению и отправке судов, а именно: общими силами с заподряженными в Вятской губернии бур-

лаками, спускают на воду суда, нагружают их металлами и изделиями из них, по указанно лоцманов делают необходимые устройства при судах. Во время сплава каравана, подчиняясь лоцманам, должны выполнять все обязанности судорабочих»⁵⁴.

В свою очередь, волостные правления государственных крестьян, идя навстречу горнозаводчикам Урала, выдавали жителям своих волостей так называемые одобрения, дававшие им право беспрепятственно наниматься на вольнонаёмную горнозаводскую работу. В «одобрении» государственного крестьянина Пермской губернии, Екатеринбургского уезда, Грбовской волости, Ивана Пластева указывалось, что «дозволяется ему добровольно подрядиться здешнего уезда в разных горных заводах, где он приискать может в возку на своих собственных лошадях при золотых промыслах земли и песков в нынешнем 1825 и будущем 1826 годах»⁵⁵. Интересно, что этим же «одобрением» разрешалось не только, чтобы «крестьянина Пластева до показанной работы допустить», но и «денег ему на платеж государственных податей наперед поверить до ста рублей»⁵⁶.

Таким образом вскрывается более глубокая подоплёка, заставившая волостные правления выдавать «одобрения» на вольнонаёмный труд,— необходимость уплаты казённых повинностей. Нанимающиеся на вольнонаёмные работы государственные крестьяне авансировались нанимателями-заводовладельцами уплатой за них вперёд казённых податей и повинностей. Но поскольку крестьяне по вольному найму, как правило, не отработывали уплаченной за них суммы повинностей, на них накапливались выраставшие из года в год долги, привязывавшие вольнонаёмных к определённому заводоладельцу.

На 1 мая 1855 г. за вольнонаёмными государственными и удельными крестьянами Пермской и Вятской губерний числилось 31 325 руб. 68½ коп. долга нижнетагильским заводам. Кроме того 17 крестьянских артельщиков, получавших деньги для крестьян от заводских контор, должны были тем же заводам 14 835 руб. 45 коп.⁵⁷ В 1830 г. государственные крестьяне Уткинской и Грбовской волостей, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, были должны кыштымской конторе золотых промыслов Расторгуева «денег, которые, получив из конторы, не отработали», 7 888 руб. 52 коп., а крестьяне Леневской волости того же уезда — 2 250 руб. 42½ коп.⁵⁸

Сообщение о хронических долгах вольнонанимавшихся рабочих мы имеем и с заводов крупнейшего уральского заводоладельца П. Яковлева. Определяя заработную плату для вольнонаёмных в 3 руб. 35 коп.— 3 руб. 80 коп. ассигнациями за перевозку одного короба угля на рас-

⁵¹ И. Ф. Штукенберг. Статистические труды. Описание Пермской губернии. СПб. 1858, стр. 33.

⁵² ИГАДА, фонд Демидовых, д. 5453, л. 8.

⁵³ Н.-Тагильский филиал СОГА, ф. 10, оп. 1, д. 347, лл. 47—65 об., 68.

⁵⁴ Там же, д. 235, лл. 108—108 об.

⁵⁵ ЧОГА, ф. 172, оп. 1, д. 119, л. 1.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Н.-Тагильский филиал СОГА, ф. 10, оп. 1, д. 347, л. 34 об.

⁵⁸ ЧОГА, ф. 172, оп. 1, д. 119, л. 3.

стояние от 40 до 55 вёрст, управляющий Верх-Исетским заводом писал: «Доставляющим по сим платам уголь крестьянам, на основании заключённых с ними контрактов, деньги выдаются вперед за полтора года и более; при такой предварительной задаче денег всегда остаются за крестьянами неотработанные ими долги»⁵⁹.

Систематическое возрастание долгов государственных крестьян горным заводам превращало свободную продажу рабочей силы в своеобразную вольнонаёмную кабалу.

Кабальные обязательства государственных крестьян перед горными заводами отражены в тех расписках, которые они давали заводууправлениям. Для примера приведём одну из них полностью:

«1851 года, ноября 28 дня.

Я, нижеподписавшийся Вятской губернии, Нолинского уезда Елпанской волости, Большештыминского общества, починка Большой Ситмы, государственный крестьянин Козьма Гаврилов Зяблицов остался по расчету должен управлению Нижнетагильских заводов, из числа полученной мною суммы на оплачивание государственной повинности, 60 рублей серебром, каковую сумму и обязываюсь заработать при распиловке леса и плотничной работе к первому числу июня предстоящего 1852 года. Но если я сего не исполню, то управление имеет полное право для взыскания этой суммы поступить по закону, в чем подписом и подписуюсь»⁶⁰.

Комментарии к такой расписке излишни. Здесь не только показаны причины кабальной зависимости вольнонаёмного государственного крестьянина от заводовладельца, но и «добровольное» предоставление заводууправлению права в дальнейшем поступать с неисправным должником «по закону».

Положение государственных крестьян, с которыми после неуплаты ими долгов заводовладельцы поступали «по закону», можно увидеть на примере государственного крестьянина дер. Подъячевой, Чердынского уезда, Пермской губернии, Фёдора Завелбёвича Мартынова.

Вот что рассказывает Мартынов о своих ытарствах в связи с созданным безвыгодным кабальным положением: «Находясь в своем жительство, по несостоятельности моей, не мог заплатить следующих с меня осударственных податей. По распоряжению ачалства и доброму своему согласно нался в 1837 году в работу на Всеволодолагодатский рудник. До поступления еще работу было за меня тою конторою залачено податей 30 рублей, после сего поупил туда, где и находился примерно коло пяти месяцев. Потом, не желая больше находиться в работах, бежал и пришел свое жительство, из коего посредством нутренней стражи был прислан обратно... то по тягости работ и жестокому обраше-

нию штейгера Ильи Иванова и смотрителя унтер-шихмейстера Васнецова вторично бежал в Петропавловский завод»⁶¹. Впоследствии Ф. С. Мартынов попал в руки полицейских властей. Аналогичное положение было и у государственного крестьянина дер. Чазовой, Кочинской волости, того же уезда, Л. И. Рудова⁶².

Мы намеренно сравнительно подробно остановились на документах, характеризующих кабальное положение вольнонаёмных рабочих из числа государственных крестьян, для того, чтобы показать, какие уродливые и тяжёлые для рабочих формы принимали рождавшиеся капиталистические отношения на Урале — этой богатейшей и громаднейшей области России.

Третьим источником формирования вольнонаёмного труда на Урале, как и по всей России, были крепостные крестьяне помещичьих вотчин.

Мы уже обращали внимание на факты быстро увеличивавшейся замены подзаводским крестьянам Урала обязательных работ при заводах денежным оброком в 50-х годах XIX века. Но деньги, необходимые для уплаты денежного оброка, нужно было где-то заработать. Они добывались вольнонаёмным трудом, зачастую на тех же предприятиях, где раньше исполнялись обязательные работы. После отмены барщинных работ подзаводских крестьян в имении Бутеро-Родаль, как мы видели, эти работы исполнялись не только «через вызов желающих» крестьян других имений, но и путём привлечения «собственных людей имения»⁶³. Особенно широко отпускались крепостные для заработка денежного оброка из вотчины Строгановых, где в 1858 г. насчитывалось 78 064 крепостных мужского пола⁶⁴, то есть около половины основного крепостного фонда Урала.

Об условиях и характере увольнения крепостных крестьян Строгановых на горнозаводские вольнонаёмные работы можно судить на примере с. Кривецкого, Пермского уезда. В январе 1853 г. 40 крестьян с. Кривецкого явились в Билимбаевское правление «с просроченными билетами, выданными им Кривецкой земской, с которыми они находились в работе в Нижнетагильском и других заводах»⁶⁵. Крестьяне просили «выдать им вновь билеты», объясняя, что «следующие с них подати и оброк заплачены лично ими, а если еще последует какое-либо взыскание, то заплатится их братьями и отцами, оставшимися дома»⁶⁶.

Местные полицейские власти пытались привлечь крестьян к ответственности «за безбилетную отлучку», но, заинтересованные в бесперебойном поступлении оброка,

⁶¹ Серовский филиал СОГА, ф. 12, оп. 1, д. 24, л. 10—10 об.

⁶² Там же, лл. 12—12 об.

⁶³ ЦГИАЛ, ф. 1092, оп. 1, 1859—60 гг., д. 952, л. 5.

⁶⁴ А. Теплоухов. Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате графов Строгановых. «Пермский сборник», кн. 1, отд. III. М. 1859, стр. 42.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 13, д. 8303, л. 20.

⁶⁶ Там же, л. 20—20 об.

⁵⁹ ЦГАДА, фонд Демидовых, д. 5453, 10 об.

⁶⁰ Н.-Тагильский филиал СОГА, ф. 10, т. 1, д. 347, л. 86.

строгановские чиновники пресекли их попытку. Главное управление Строгановского майората сообщило кривецкому приказчику, что «крестьянам Кривецкого ведомства, находящимся на повольных работах на Тагильских заводах, новые билеты можно выдать от Билимбаевского правления, всем 40 человекам»⁶⁷.

Нередко право ухода крепостного на вольнонаёмные работы продлевалось из года в год на протяжении длительного периода времени. Например, крепостной Билимбаевского завода Илья Шумихин находился на вольнонаёмных работах «по паспорту в Сибири более 20 лет»⁶⁸.

Таковы были формы применения вольнонаёмного труда на Урале, так выглядят его источники.

Подведём некоторые итоги сказанному.

1. Нельзя рассматривать Урал как центр только горнозаводской промышленности и отрицать наличие других отраслей промышленности. Перед реформой 1861 г. на Ура-

⁶⁷ Там же, л. 23.

⁶⁸ Там же, сп. 10, ч. 1, д. 1510, л. 1.

ле имелась значительная негорнозаводская промышленность, успешно развивавшаяся по капиталистическому пути, с широким применением вольнонаёмного труда.

2. Вольнонаёмный труд использовался также и в горнозаводской промышленности Урала первой половины XIX в., как и в других отраслях хозяйства России. Сравнительно большее его применение наблюдалось на вспомогательных работах при заводах, на золотых приисках и караванах. Вольнонаёмный труд затрагивал также основные процессы производства на горных заводах.

3. Источниками формирования вольнонаёмного труда на Урале были частные (посессионные и вотчинные) и казённые заводы, государственная и удельная деревня, а также помещичьи вотчины Пермской, Оренбургской и Вятской губерний.

4. По приблизительным подсчётам, применение вольнонаёмного труда в экономике Урала (Пермская губерния) в 50-х годах XIX в. составляло в горнозаводской промышленности до 20—30%, в негорнозаводской — от 70 до 90%. В целом в промышленности Урала вольнонаёмный труд не превышал 30—40%.